

Су Янь замер у дверей покоев, услышав от Люй-и: «Его Высочество внутри, отдыхает». Словно очнувшись, он отбросил все смутные мысли и, не предупредив, распахнул дверь.

Он ожидал увидеть Сяо Цичэня таким, как описал Се Хуэй, — еле дышащим на одре болезни, и приготовился к худшему. Однако тот, о ком он так тревожился, сидел, поджав одну ногу, на краю ложа, весь погружённый в чтение.

Окна в покоях были заклеены бумагой, и, когда Су Янь закрыл дверь, лёгкий сквозняк заставил звенеть колокольчик у входа. Сяо Цичэнь поднял голову на звук.

Он и впрямь выглядел нездорово: и без того стройный юноша словно усох ещё, и даже плотная зимняя одежда не скрывала бледной, почти прозрачной кожи на шее и выступающих ключиц. Для удобства длинные волосы были небрежно собраны на затылке простой лентой, что придавало ему вид ещё более беззащитный.

Увидев Су Яня, Сяо Цичэнь с удивлением выпрямился, поправил воротник и спросил:

— Как ты здесь оказался?

— Чжунгуан сказал, ты заболел. — Су Янь непринуждённо уселся на табурет у кровати, подумал и добавил:

— Пробрался тайком. Хотел увидеть, поправился ли ты.

Сяо Цичэнь спокойно ответил:

— Уже гораздо лучше, но ветер мне противопоказан, вот уже несколько дней не выхожу на аудиенции. Хотя... кхе-кхе... вроде бы ничего серьёзного.

Голос его из-за простуды звучал низко и хрипло; когда он кашлял, казалось, вот-вот хлынет кровь, — слушателю ясно было, что внутри застоялась мокрота. Да и лицо его было бледным, обычно алые губы поблели, черты как бы размылись, и лишь слезинка у глаза горела по-прежнему ярко-красной точкой.

Как раз в этот момент Люй-и внесла чашку тушёной груши. Су Янь принял её и присел на край ложа Сяо Цичэня.

Расстояние между ними внезапно сократилось. Сяо Цичэнь опустил веки, и почему-то на щеках его выступил лёгкий румянец. Су Янь, не вдаваясь в степень его недуга, прямо зачерпнул ложку, слегка подул на неё и поднёс к губам Сяо Цичэня:

— Выпей немного.

Сяо Цичэнь усмехнулся:

— Раньше ты так не баловал, а теперь вдруг радеешь... К чему?

Су Янь промолчал, упрямо поднося ложку к самым его губам.

Груша была прохладной, сладкой и смягчала горло. Сяо Цичэнь перестал упрямитесь, отпил из его рук, но, счтя позу неудобной, взял чашку сам. Люй-и, как всегда заботливая, уже остудила напиток до приемлемой температуры. Сяо Цичэнь отхлебнул, почувствовал облегчение и допил всё до дна прямо из чаши.

Быть может, силой самовнушения, но ему вдруг показалось, что боль в горле, мучившая несколько дней, поутихла. Приободрившись, Сяо Цичэнь захлопнул свиток, придвинулся к Су Яню и с любопытством спросил:

— Как поживаешь с молодой супругой?

Обычный вопрос в этих обстоятельствах Су Янь истолковал превратно. Он отводил взгляд, словно пытаясь сжечь им пол Чертога Чэнлань, и только после четвертого настойчивого вопроса смущённо хмыкнул и кивнул.

Сяо Цичэнь тоже слегка кивнул, явно не желая развивать тему, и перевёл разговор:

— Так ты на плац не ходишь?

— Хожу, — Су Янь принял от него пустую чашку и отставил в сторону. — Домашних дел — невпроворот. Отец мой забросил Тигриную бирку в Большой лагерь в Саду Нань и удалился на покой, а генерал Чжан с советником Шэнем, коли в чём не уверены, совещаются со мной. Вот только стажа у меня маловато, в правительство не пробиться, так что я не в курсе, о чём в последнее мыслит Его Величество.

— Ничего особого. На севере голод, помощь пострадавшим идёт своим чередом. Тюрки то и дело затевают стычки, но, слышно, на Заставе Яньмэнь отличился молодой командир — дерется, словно смерти не боится. Тюрки им приструнены, пока смиренны. На юге всё благополучно, недавно в Линьане взяли пару взяточников-казнокрадов, отправили в ссылку в Учэн. Наньчжао ведёт себя беспокойно, но, боясь утратить торговый путь, что в руках у губернатора Башу, активничать не решается... — Сяо Цичэнь, словно перечисляя, вкратце обрисовал последние события.

Су Янь слушал его, но мысли его витали где-то далеко, пока наконец не зацепились за влажный розоватый разрез у внешнего уголка глаза Сяо Цичэня.

Он прикоснулся к тому месту пальцем, и Сяо Цичэнь, словно у него выключили тумблер, моментально умолк.

Су Янь уже приготовился к неловкости, но Сяо Цичэнь, потрогав то место, продолжил будто ни в чём не бывало:

— Есть ещё кое-что... прямо-таки смех да и только.

Су Янь послушно спросил:

— Что именно? Я слышал, князь Чжао вернулся в свои владения, и теперь в Цзиньлине из принцев на аудиенциях остался лишь ты. Что же ещё может беспокоить?

Сяо Цичэнь странно скривил губы в усмешке, и в голосе его зазвучала язвительная нотка:

— А ты не в курсе? Императрица в положении. Врачи по пульсу определили — мальчик будет. Вчера одна из моих служанок, выйдя за снадобьями, подслушала, как слуги из дворца Ланьсю судачат: Императрица на сей раз умело скрывала, и даже наложница Ли узнала лишь недавно — в ярости в своих покоях три вазы разбила.

Императрице уже под сорок, и, хоть годы не юные, родить она всё же могла.

Су Янь ещё не успел высказаться, как усмешка Сяо Цичэня стала холоднее:

— Значит, скоро будет у меня брат. Незаконнорожденный сын всегда был отцовской болью, уж он-то мне волю не даст!

Нынешний император взошёл на трон молодым, сейчас ему чуть за пятьдесят, телом крепок, себя считает в расцвете сил. Коли он всерьёз возьмётся за воспитание младшего сына, то через два десятка лет, когда придёт время престол передавать, разве выберет он кого-то, кроме законного наследника? Продумав эту цепочку, Су Янь почувствовал тяжесть на сердце и сказал Сяо Цичэню:

— Так ты его убить собрался?

Обычно он был сдержан, но порой слова его звучали так, будто он уже пропитался жестокостью войны.

— Разве я на такое способен? — Сяо Цичэнь отозвался равнодушно. — В душе кипит ненависть, но действовать опрометчиво не смею. Думаю, старший брат мой ныне мыслит схоже: хоть и имеет влиятельных родичей со стороны матери, а всё равно незаконнорожденный, как и я.

За исключением особых случаев, престол в доме Сяо передавался по законному праву, а не по старшинству, и сыну, а не брату. Сяо Циюй так торопился именно потому, что страшился самого невероятного исхода. Узнав же о сём, он, верно, лопнет от злости.

Сяо Цичэнь же пребывал в спокойствии. Увидев, что ароматическая палочка на столике догорела, он стряхнул пепел, поднёс к носу, вдохнул — движения его были плавны и отточены.

— Я-то полагал, раз брат Пин — калека, а старший брат отослан в уделы, со временем Цзиньлин ко мне склонится. Всего не предусмотреть — не ждал, что Императрица зачнёт. Теперь, чай, и в приёмные матери ко мне идти не захочет. А коли её сын родится, стану я опять тем, у кого мать есть, да не нужен он никому... Лишним.

Он был принцем, которого всяк в Тайчэне величал «Ваше Высочество», жил в достатке, но, пожалуй, во всём Поднебесной не сыскать было человека, познавшего превратности судьбы острее, чем Сяо Цичэнь.

— Бывало, били меня, мёрз я — всё терпел, уговаривал себя: стерпится-слюбится, глядишь, отец однажды смилостивится, обратит на меня внимание. Ну, обратил. А теперь на советах и имени моего помянуть не желает. В его глазах, сколько ни старайся, как ни угождай, всё равно не сравнится с титулом «законнорожденный». — Сяо Цичэнь говорил удивительно бесстрастно. — А я ещё надеялся, что к матери моей он хоть каплю истинного чувства питал. Когда он тайны Тайной стражи мне открывал, думал — наконец-то признал... Ан нет, бессердечный владыка, как есть.

Су Янь вспомнил слова Се Хуэя: «Душевная рана в застарелую хворь переросла». Он-то думал, причина в нём, а вышло — в этом. Сяо Цичэнь не мог ни с кем поделиться, вот и томился.

Будь Сяо Цичэнь прежним, начал бы капризничать или даже слёзы лить напоказ — Су Янь без труда обнял бы его и утешил. Но тот был холоден и спокоен, словно говорил о постороннем, и Су Янь не находил слов, лишь вытряхнул пепел из курильницы.

Дымка благовоний ещё витала в воздухе, когда Сяо Цичэнь вдруг произнёс:

— А Янь, ради чего я всё это затеял?

Голос его звучал потерянно, словно у путника, заблудившегося в горных теснинах. Су Янь, видя, как Сяо Цичэнь опустил руки, не выдержал, схватил его ладони и согрел в своих:

— Путь впереди ещё не определён.

Эти слова, казалось, поразили Сяо Цичэня в самое сердце, и всё его существо вдруг рухнуло. Плечи его задрожали, но слёз не было.

<http://bllate.org/book/15940/1425135>